

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ И ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИУМАХ – ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С.А. Соловченков

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,
ул. Шолом-Алейхема 4, г. Биробиджан, 679016,
e-mail: solovchenkov@yandex.ru

В статье на основе анализа материалов социологического исследования, проведенного Алтайским государственным университетом, поднимается вопрос протестного поведения и протестной социальной активности населения российских регионов. Сделана попытка создания социального портрета «протестующего человека».

Ключевые слова: социальная безопасность региона, протестная активность, социальная напряженность.

Проблемная ситуация

Современное российское общество, находящееся в стадии формирования новой системы социальных, политических и экономических институтов, оказалось в ситуации, когда наблюдается лишь частичное функционирование механизмов снятия социального напряжения и устранения протестной активности. Государство до сих пор не сформировало адекватные механизмы обратной связи от социальных систем, социумов. В связи с этим невозможность использования институциональной системы трансляции в адрес государства причин социальной напряженности может приводить к тому, что протестная активность испытывает тенденции к возрастанию, но в силу некоторых факторов замыкается в своем выходе на региональном уровне, реализуясь в различных формах (социальной, политической, экономической и психологической) девиаций.

Актуальность

Социальная безопасность региона, как некоторая обобщенная концепция теоретических и прикладных социологических исследований в последнее время приобретает все большую актуальность. Фактор сохранения стабильности, обеспечения нормального функционирования регионального социума становится все более и более значимым. В силу сложности данного концепта, неполной его проработанности в отечественной науке и практически полное отсутствие зарубежных теоретических аналогов, существует насущная необходимость в тщательнейшем его изучении, приведении существующих гипотез к единому (либо схожему) пониманию социальной безопасности.

Цель работы

Выявить влияние различных факторов на возникновение социальной напряженности и протестного поведения.

Эмпирическая база исследования

Исследование основано на социологическом опросе, охватившем 4200 респондентов в шести регионах России – Ставропольском крае, Калининградской области, Алтайском крае, Красноярском крае, Новосибирской

области, Республике Бурятия. Регионы отбирались по критериям социально-экономического, социально-демографического, территориального и отраслевого характера.

Методология

Методологической основой проводимого исследования послужили институциональная концепция функционирования общества, конфликтологический подход, предложенный Максом Вебером, мобилизационный подход, разработанный Чарльзом Тилли.

Теоретическое обоснование

Современное общество признает право личности на инакомыслие и даже на протестное поведение [1].

Взяв за основу определение безопасности, данное В. Серебрянниковым [6], можно следующим образом сформулировать понятие социальная безопасность – это состояние защищенности социума от внешних и внутренних опасностей и угроз, способных погубить их, лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести ущерб, закрыть путь для выживания и развития.

Если опираться на определение, предложенное Р.Г. Яновским [8], социальная безопасность представляет собой наличие объективных и субъективных условий и факторов, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность социума и его способность противостоять неблагоприятным внешним и внутренним разрушительным воздействиям и влияниям, сохранять свою целостность и способность к воспроизводству, а также устойчивость своего развития.

Два предложенных определения, не противореча друг другу, тем не менее в некоторой степени разнятся. Если подход В. Серебрянникова опирается на конституирование некоторого статичного состояния, при котором отсутствуют угрозы, Р.Г. Яновский, скорее, рассматривает динамическое состояние обеспечения нормальной жизнедеятельности социума. На наш взгляд, наиболее рациональным является комплексное использование предложенных определений, при котором мы сможем учесть как функционально-структурные элементы, обеспечивающие в динамике сохранение социума, так и фикси-

рованный срез стабильного (при отсутствии рисков или угроз) состояния социума.

Количество показателей, которые в той или иной степени влияют на социальную безопасность, достаточно велико, и разные авторы значительно разнятся по составу и значимости этих компонентов. Не вдаваясь в общенаучный спор по данному поводу, нам хотелось бы сослаться на определение В. Серебрянникова и А. Хлопьева, предложивших некоторый набор институциональных элементов, входящих в понятие социальная безопасность.

В соответствии с ним элементами социальной безопасности являются «определенные состояния социальных отношений по поводу политики, экономики, духовно-нравственной жизни, как то: гражданский мир и согласие; политическая система, власть, законы и политика, соответствующие историческому выбору народа, выражающие и осуществляющие его волю; жизнь, здоровье, права и свободы человека; справедливое распределение собственности и доходов; эффективные системы стимулирования труда, государственного регулирования экономики; инфраструктуры жизнеобеспечения людей; системы социального обеспечения и защиты нуждающихся в помощи и поддержке государства; институты социализации человека и ограждающие его от опасностей» [6].

В процессе своего развития социум региона неизбежно сталкивается с рядом проблемных ситуаций, которые могут носить как деструктивный, так и конструктивный характер. Проблемные ситуации деструктивного характера в своем развитии становятся угрозой нормального функционирования социума и требуют скорейшего решения и тщательнейшего изучения. Накопление социальных угроз, рисков приводит к нарастанию социальной напряженности и потенциально к росту протестной активности населения региона.

Сегодня анализ данного феномена признается одним из наиболее важных аспектов изучения и прогнозирования развития общества и предупреждения социальных конфликтов.

Приняв за основу дефиницию В. Руковишникова и внося в нее некоторую авторскую интерпретацию, можно сказать, что социальная напряженность выражает определенное состояние социальных групп, их неудовлетворенность существующим положением, отношение к происходящему и к другим и группам [5].

Нельзя утверждать однозначно, что социальная напряженность и протестное поведение как реакция социума на накопление социальных рисков однозначно является отрицательным явлением. [4] В нормально развивающемся социуме протестная активность – это одна из форм выражения социальных, политических и экономических требований. Именно в процессе разрешения конфликтогенных ситуаций, порожденных накоплением социальных рисков, реализуется организационная способность власти как политического института воспринимать исходящие от социума сигналы и отзываться на них адекватным образом.

Т. Умбеталиева [7], анализируя роль социальной напряженности в процессе становления гражданского об-

щества, также дихотомично подходит к ее оценке. Она утверждает, что в жизни современного общества социальная напряженность имеет двоякую направленность:

1) негативную, когда на основе неудовлетворенности части населения своим положением социальная напряженность вызывает социально-политическую дестабилизацию в обществе;

2) позитивную, когда социальная напряженность подталкивает определенные группы населения к осуществлению активных действий в поисках решения сложных социальных проблем.

Соответственно, развитие первого либо второго сценария, предложенного Т. Умбеталиевой, может реализовываться либо нарастанием социальной напряженности, резким скачком уровня протестного поведения, всех возможных форм реализации и перерастанием в социальный конфликт, либо активизацией института социальных представительств и разрешение конфликтогенной ситуации на уровне региона, государства. При этом можно сделать вывод, что социальная напряженность и некоторая протестная активность, которая не принимает открыто враждебного характера по отношению к каким-либо внешним социальным и политическим объектам, является, скорее, положительным явлением для государства и региона в частности, при условии адекватного функционирования институтов трансляции причин социальной напряженности.

В современной российской реальности сложно утверждать, что институты социальных представительств, то есть те самые механизмы трансляции от социума к государству, работают адекватно или хоть в какой-либо степени удовлетворительно.

В подобной ситуации, с точки зрения Чарльза Тилли, одного из основоположников мобилизационного подхода, протестная активность начинает развиваться как средство мобилизации групповых ресурсов в том случае, когда у населения отсутствуют институциональные формы выражения своего мнения, либо когда власти выступают с решениями, затрагивающими положение людей [3]. И хотя Ч. Тилли использует понятие социальное движение, мы позволили себе условно приравнять эти понятия.

Протестную активность мы понимаем как некое достаточно разнообразное по форме выражение протестного потенциала. Часто общее понятие «социальный протест» относится к характеристике явлений, различных по своей массовой базе, социально-классовому облику, силе, интенсивности, специфике возбуждающих их факторов [2].

Пытаясь сформулировать общую дефиницию протестного потенциала и протестной активности, мы пришли к следующему: под протестным потенциалом мы понимаем склонность граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях; а под протестной активностью – вовлеченность граждан в различные формы протестной активности.

На протестный потенциал, помимо субъективного недовольства ситуацией, влияет способность субъектов к концептуализации социальных и политических отно-

Доля лиц, высказавших готовность принять участие в акциях протеста, %

	доля населения с протестным настроением	из них: согласны применить насилие и оружие	уже принимали участие в акциях протеста
Алтайский край	21	12	18
Калининградская область	17	5	12
Красноярский край	21	13	12
Новосибирская область	15	7	18
Республика Бурятия	18	8	25
Ставропольский край	20	10	13

шений и неудовлетворенность деятельностью органов власти. При этом замечено, что чем больше факторов, влияющих на формирование протестного потенциала, присутствует одновременно, тем выше его уровень.

Среди всей совокупности протестных явлений, на наш взгляд, можно выделить три большие группы: политические, социальные и национально-этнические. Рассматривая эти формы протеста как условно обособленные, можно указать, что они разворачиваются по поводу ценностей: политический протест – по поводу власти, доминирования, влияния; социальный протест – по поводу средств жизнеобеспечения, т.е. уровня заработной платы, использования профессионального и интеллектуального потенциала, уровня цен на различные блага, по поводу реального доступа к этим благам и иным ресурсам; этнический протест – права и интересы этнических и национальных групп; часто этот протест связан со статусными и территориальными притязаниями. Однако стоит отметить, что все эти формы протеста должны восприниматься только как взаимопроникающие элементы, как такие столкновения, где каждый из них составляет питательную среду для других.

Понятия протестного потенциала и протестной активности неразрывно связаны с понятием «социальный конфликт». Именно практическое воплощение протестных настроений, как правило, является причиной актуализации конфликта, перехода его из латентной в активную фазу. Протест сопровождает конфликты как форму выражения претензий сторонами друг к другу, обозначая предмет конфликта.

Именно в силу того, что социальный конфликт, войдя в стадию своего апогея, становится крайне устойчивым и тяжело устранимым явлением, разрешение ситуации на стадии формирования протестного поведения становится основной формой сохранения состояния безопасности для регионального социума.

Обсуждение результатов

Используя для анализа материалы социологического исследования, проведенного на базе Алтайского государственного университета (г. Барнаул), мы попытались выявить возможный протестный потенциал. Если принять за протестный потенциал готовность населения участвовать в митингах, забастовках и применить оружие, то современный протестный потенциал можно оценить в 16 %. Это те люди, которые уже сейчас изъявили готов-

ность принять активное участие в акциях протеста. Стоит отметить, что примерно половина из них (49 %) – это люди, которые для решения проблем собираются активно применять силовые методы вплоть до оружия.

По регионам картина с уровнем протестного поведения несколько разнится. Анализируя табл. 1, с некоторой долей вероятности можно утверждать, что в большинстве регионов, где прошло исследование, протестное настроение испытывает тенденции к росту. Только два региона – Новосибирская область и республика Бурятия показали положительную динамику, т.е. на момент опроса количество граждан, согласных принять участие в протестных мероприятиях, стало меньше.

Мы попытались создать обобщенный портрет человека, склонного к протестной активности. Это мужчина, проживающий в городе, имеющий высшее либо среднее образование и не имеющий детей. Данная категория наиболее склонна к активному выражению своего мнения, готова к применению насилия с использованием оружия и ресурсов криминального мира.

Если попытаться детально просмотреть склонность к разным формам протеста, мы получим примерно следующую картину. Мужчины при большей степени проявления протестного поведения склонны сразу решать проблемы силовым путем. Женщины, в свою очередь, используют более демократичные методы. Как видно из табл. 2, они отдают предпочтение митингам, демонстрациям и забастовкам, то есть тем инструментам протестной активности, которые либо совершенно не связаны с силовыми акциями, либо связаны с ними в минимальной степени. В значительно меньшей степени они склонны применять открытое насилие с применением оружия.

Довольно интересной особенностью, с нашей точки зрения, является тот факт, что наличие детей слабо влияет на выбор формы протестного поведения (табл. 3).

Если исходить из предположения, что силовые акции протеста с применением насилия априори являются более опасными для жизни участников, довольно странной выглядит ситуация, при которой люди, имеющие одного – двух детей и бездетные, в равной степени готовы принять в них участие. Еще более парадоксальной является ситуация, при которой граждане, имеющие большое количество детей (трех и более) отдают предпочтение именно силовым акциям.

Таблица 2

Гендерное распределение вариантов протестной активности, %

	буду участвовать в забастовках	возьмусь за оружие	буду участвовать в митингах и демонстрациях
мужской	17,3	59,5	23,2
женский	30,4	31,0	38,6

Таблица 3

Виды протестного поведения в зависимости от количества детей, %

	буду участвовать в забастовках	возьмусь за оружие	буду участвовать в митингах и демонстрациях
Нет детей	23,5	46,7	29,8
Один ребенок	19,6	48,5	31,9
Двое детей	24,4	48,9	26,7
Трое детей и более	19,6	56,5	23,9

Однако, если исходить из предположения, при этом не слишком обоснованного, что увеличение количества детей в некоторой степени оказывает влияние на необходимость значительно быстрее и кардинальней решать социальные и экономические проблемы, все становится более или менее понятно.

Еще одним достаточно неоднозначным выводом является то, что уровень образования также практически не влияет на выбор формы протеста (табл. 4).

Незначительные отклонения в сторону понижения склонности к силовым методам решения социальных проблем наблюдается в группе людей, имеющих среднее и среднее специальное образование. Они чуть более активно склонны участвовать в более мирных вариантах социального протеста.

Нам не удалось найти какого-либо приемлемого объяснения того факта, что люди, имеющие высшее и общее среднее образование, примерно одинаково склонны к использованию силовых акций протеста.

В то же время распределение видов протестной активности по типам населенных пунктов выявило определенную закономерность, связанную с тем, что жители поселков городского типа в меньшей степени склонны использовать относительно мирные методы социального протеста (табл. 5). Лишь около 27 % из них высказались, что в качестве метода протеста будут использовать

митинги, демонстрации или забастовки. Подавляющее большинство жителей ПГТ склонны к применению силовых методов протеста.

Анализ по профессиональной принадлежности также дает нам достаточно интересный материал для размышления. Как видно из табл. 6, наиболее «миролюбивыми» оказались работники пяти сфер.

Это по степени возрастания: работники культуры, средств массовой информации, образования и науки, здравоохранения и связи. В большинстве своем представители указанных профессий в минимальном количестве высказываются о том, что они согласны использовать силовые методы решения, а также в значительной степени они не согласны принимать участия в забастовках, как наиболее жесткой ненасильственной форме социального протеста.

В разряд наиболее «агрессивных» попали представители таких профессий, как строители и, как это ни парадоксально, социального и пенсионного обеспечения, а также финансовой сферы. Вообще стоит отметить, что за исключением первой описанной группы, то есть наиболее «мирных» профессий, остальные профессиональные группы относительно слабо отличались друг от друга.

Столь же неоднозначную картину мы получаем при попытке выяснить, как проявляют протестную активность

Таблица 4

Влияние уровня образования на выбор формы протестного поведения, %

	буду участвовать в забастовках	возьмусь за оружие	буду участвовать в митингах и демонстрациях
Ниже среднего	22,9	50,0	27,1
Среднее, среднее специальное	23,6	45,6	30,8
Неполное высшее и высшее	20,9	50,6	28,5

Таблица 5

Проявление протестного поведения в зависимости от типа населенного пункта, %

	буду участвовать в забастовках	возьмусь за оружие	буду участвовать в митингах и демонстрациях
Жители города	21,2	48,3	30,6
Сельские жители	26,6	47,2	26,2
Жители поселков городского типа	6,7	73,3	20,0

Таблица 6

Влияние профессиональной принадлежности на выбор протестного поведения, %

	буду участвовать в забастовках	возьмусь за оружие	буду участвовать в митингах и демонстрациях
промышленность	24,2	50,0	25,8
строительство	14,5	63,8	21,7
транспортно-дорожный комплекс	24,5	54,7	20,8
связь и информатизация	23,1	38,5	38,5
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	28,0	56,0	16,0
торговля, общественное питание, сбыт, заготовки	20,3	58,2	21,5
ЖКХ и быстрое обслуживание	28,1	40,6	31,3
образование, наука	30,4	35,7	33,9
здравоохранение, физкультура	7,7	38,5	53,8
культура и искусство	33,3	16,7	50,0
социальное обеспечение и пенсионное обслуживание	0,0	66,7	33,3
финансы, кредит и страхование, банковская деятельность	11,1	77,8	11,1
государственное и муниципальное управление	22,2	50,0	27,8
вооруженные силы, правоохранительные органы, МЧС	14,7	58,8	26,5
средства массовой информации	25,0	25,0	50,0

люди с разной степенью субъективной защищенности (табл. 7).

Как видно из представленной таблицы, чуть большую готовность к протестным акциям с применением насилия проявляют люди с крайними полярными ощущениями безопасности. Люди, склонные к неуверенным ответам, проявляют меньшую готовность к силовым акциям. Для них же более приемлемым способом протестного поведения является участие в митингах и демонстрациях.

Такая же ситуация повторяется и с ощущением собственной защищенности от разных угроз.

Полученная нами в процессе анализа картина является собой весьма фрагментарный и неоднозначный результат. Та часть населения, которая озвучивает элементы протестного поведения, не может быть в полной мере идентифицирована. Это люди разного социального, семейного, профессионального положения. По-разному

ощущающие свою безопасность и защищенность от разных типов угроз. При этом нет какой-либо стержневой характеристики, которая позволяла бы сказать, почему значительная часть людей, готовых к протестному поведению, в первую очередь апеллируют к силовым методам протеста.

Однако завершающим штрихом нам хотелось бы представить анализ степени участия населения в каких-либо социальных, экономических или политических акциях. Как видно из табл. 8, наибольшую склонность к насилию как форме социального протеста высказывают люди, которые практически никогда не принимают никакого участия в жизни регионального социума. По результатам исследования, к таковым относятся 69 % от общего числа лиц, высказавших готовность к каким-либо акциям протеста.

Второй группой, наиболее склонной к силовым методам решения проблемы, являются люди, весьма

Таблица 7

Влияние субъективной безопасности на выбор протестного поведения, %

	буду участвовать в забастовках	возьмусь за оружие	буду участвовать в митингах и демонстрациях
полностью ощущаю себя в безопасности	26,2	55,4	18,5
скорее ощущаю себя в безопасности	18,5	48,6	32,9
и да, и нет	24,9	45,6	29,5
не очень ощущаю себя в безопасности	23,1	45,2	31,7
совсем не ощущаю себя в безопасности	18,9	53,8	27,4

Соотношение реальной и потенциальной протестной активности населения, %

		буду участвовать в забастовках	возьмусь за оружие	буду участвовать в митингах и демонстрациях	процент от общего числа ответивших
Принимаю участие в политических митингах, демонстрациях, акциях протеста	никогда	20,9	56,2	22,9	69,0
	крайне редко	25,9	32,2	42,0	18,4
	редко	25,4	32,8	41,8	8,6
	часто	30,4	13,0	56,5	3,0
	всегда	11,1	55,6	33,3	1,0

активно участвующие в жизни регионального социума, но таких в результате исследования выявлено только 1 %.

Выводы

Социальная безопасность региона как общетеоретическое и методологическое понятие в современной социологической науке разработано недостаточно. Существует множество подходов к определению данного понятия, к методам его изучения; нахождение какого-либо общего основания для дальнейших исследований продолжает оставаться насущной проблемой.

Социальная напряженность, выражающаяся в некоторой готовности населения принять участие в акциях социального протеста, в современном обществе может быть идентифицирована как достаточно высокая. Однако воплощения в реальность данный показатель не имеет из-за того, что большинство опрошенных не готовы практически реализовывать свои протестные настроения. Вся социальная напряженность, выявленная нами, носит, скорее, потенциальный характер, который может реализоваться только в результате сильнейшего социального потрясения.

Вследствие невыраженности социальной напряженности идентифицировать субъекта протестного поведения, т.е. создать его социальный портрет в полной мере, не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бубнов Ю. Протестное движение и права человека: Социологический очерк экстремизма. <http://zharinov.wallst.ru>
2. Вайнштейн Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. М.: Наука, 1990. С. 25.
3. Гидденс Э. Социология. пер. с англ. / науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
4. Головаха Е.И., Панина Н.В. Потенциал протеста украинского общества // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 31.
5. Рукавишников В.О. Социальная напряженность: диагноз и прогноз // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 22.
6. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. М., 1996. 352 с.
7. Шоманов А.Ж., Умбеталиева Т.Б. Роль гражданского общества и его институтов в регуляции социальной напряженности в условиях современности // Информационно-аналитический журнал Analytic. 2004. № 4. С. 15–19.
8. Яновский Р.Г. Социальная динамика гуманитарных перемен = Social Dynamics of humanitarian change: Социология Шанса для России на достойную и безопасную жизнь ее народов. М.: Кн. изд-во Бизнес, 2001. 423 с.

In the article, on basis of the sociological research, conducted by Altay State University, it is considered the protest behavior and social activity of the population in the regions of Russia. It is made the attempt to represent a social portrait of the remonstrant.

Key words: social security in the region, protest activity, social tension.